

Ульяна Соболева

6

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Лезвие

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Павловна Соболева

Черные вороны 6. Лезвие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42543874

SelfPub; 2019

Аннотация

Дарина приходит в себя после длительной комы и понимает, что совершенно не помнит последние годы своей жизни. Вначале ей кажется, что все, что с ней происходит – это сюрреалистическая изнанка реальности. Но с каждым днем этот сон не заканчивается, а затягивает ее все глубже и глубже на самое дно безумия и дикой страсти к порочному и опасному маньяку, который назвался ее мужем... Адаптации и римейк серии "Любовь за гранью". Сюжет повторяется! В оформлении обложки использована фотография автора Oleg Gekman с сайта Depositphotos. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Максим	14
Глава 2. Дарина	28
Глава 3. Макс	44
Глава 4. Башира	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

Я крутил между пальцев лезвие. Такие уже не продают почти. Времена бритв, куда вставлялась опасная штукенция, которой суицидники вскрывали себе глотки и запястья, канули в далекое прошлое. Крутил, ударяя подушкой пальца по самому краешку, слегка разрезая кожу. А хочется не слегка. Хочется так, чтоб до мяса и кровью этот столик залить. Но я держу себя в руках. Не могу ни черта сделать. Даже психовать не могу. Пулю в висок и то не могу. Прижали меня, как гребаного мотылька к дощечке, и булавками пристегнули. На каждой ноге по несколько гирь. У каждой имеется свое имя, каждая мне дороже жизни. И я ни черта не могу сделать.

И почему-то именно сейчас все мысли только о ней. Хотя зачем «почему-то», все мысли о ней, потому что я знаю – это наш конец. И воспоминания взрывают мне вены, рвут в лохмотья нервы. Все с самого начала. С самой первой встречи. Помню, увидел ее мелкую совсем, спряталась от меня, готова была сражаться или удрать. Глазищи в пол-лица. Смешная, забавная и маленькая такая. Вором меня назвала. Нет, малыш, это ты была воровкой. Ты у меня все украла. Нагло из-под носа выдрала вместе с сердцем, душой, мозгами. Вместе со всем, что было моей сущностью. Изменила меня до

неузнаваемости и всего как через мясорубку пропустила. Я-то простил уже, а ты... предпочел бы, чтоб никогда не узнала, на что я согласился. Лучше твоя ненависть.

«— Даша, значит? — спросил я и снова музыку включил.

Она кивнула с полным ртом. Забавная такая.

— Да-ви-на.

— Как? — я засмеялся, надкусывая сэндвич и выруливая на дорогу.

Она проглотила последний кусок бутерброда, запила какао и повторила:

— Дарина. А тебя как звать? Вор тебе не очень подходит.

— Ты назвала меня Вором?

Щеки вспыхнули, глаза прикрыла, и ресницы длинные на щеки тени бросают.

— Да. Как еще? Ты не представился.

— Тебе кличку или имя?

— Ну я же тебе имя сказала.

— Макс.

Мне показалось, что она произнесла мое имя беззвучно и откинулась на сиденье, с наслаждением сунув шоколадную конфету в рот. Откусила половинку и, завернув в бумажку, хотела спрятать в карман. Внезапно резко повернула голову — я очень внимательно на нее смотрел, периодически бросая взгляды на дорогу.

— Ешь, мелкая, не жалей. Я еще куплю.

И она несколько конфет жадно сразу засунула, с трудом

жует, уголки рта в шоколаде, а у меня щемящая нежность по всему телу патокой растекается».

Тогда ты меня и сделала. Не через несколько лет, когда я уже на грудь твою голодным зверем слюни ронял, а вот именно когда ты совсем девочкой была. Нежной и хрупкой с забавной физиономией. Перепачканная шоколадом. Я себе еще коньяка подлил. Расфокусированным взглядом посмотрел на сцену, где отплясывала стайка голых девиц. Настолько одинаковых, что казалось их отксерили. Копипейсты одного роста с сиськами десятого размера и утиными губами. Такими одинаковыми рожами сейчас пестреют соцсети. Иногда мне кажется, что их матерей оплодотворил какой-то серийный осеменитель, похожий на Зверева и Памелу Андерсон вместе с Кардашьян в одном флаконе. Адский коктейль. Аж самого передернуло. Я был мертвецки пьян, настолько пьян, что не сразу попал в бокал янтарной жидкостью и разлил коньяк на стол. Последний раз я так нажирался, когда... и вспоминать не хотелось. Вдоль позвоночника прошел разряд болезненно острого электричества. Я осушил бокал до дна и посмотрел на дисплей своего сотового телефона – они обе там. Такие родные и красивые. Мои девочки. Как напоминание, что я никогда больше не вернусь к ним и не верну свою прошлую жизнь. Напоминание о том, что счастье для таких, как я, скоротечно.

«– Я не кукла Барби. Нечего на меня цеплять юбочки и

платица.

Ты красивее всяких кукол в тысячу раз, ты настоящая, ты настолько прекрасна в чистоте своей, как же ты этого не видишь?

– Да, ты – бомж Даша с кучей вшей, грязная, ободранная и похожая на девчонку, только если сильно присмотреться.

– Присмотрелся? Значит, все же похожа. Я не буду носить все это дерьмо.

Я усмехнулся. Будет, еще как будет. Я же видел, как заблестели ее глаза. Иногда этот блеск с ума меня сводил, потому что понимал, не как на друга или брата смотрит. Она уже тогда соблазняла... тогда знала, как действует на меня.

– Либо ты одеваешься, как человек, либо ходишь голая. Выбирай.

Осмотрел ее с ног до головы и снова усмехнулся, а она разве что искры не метала из глаз.

– Это не выбор, а идиотский ультиматум.

– Смотря как воспринимать. Ультиматум тоже в какой-то мере выбор. Иногда не бывает даже этого. Цени – я предоставил тебе альтернативу. Так что решай, мелкая. Можешь ходить голой, заодно рассмотрю, на хрена тебе все эти лифчики с черными кружевами, которые ты себе накупила.

Сказал и сам охренел... потому что понял – я смотрел на ее маленькую грудь, идиот. И не раз. Смотрел и понимал, что притронуться хочу. Ласкать хочу, вырастить ее для себя и прикасаться к нежному телу.

– Я могу и так показать, – фыркнула, глядя исподлобья.

– Боже упаси! Давай оставим это специфическое зрелище на «лет через пять», вырастут и покажешь, – заржал, пряча собственное смущение. Да, бл*дь, она меня смущала! И вышел из её комнаты, а она отправила мне вслед горшок с цветами. Сумасшедшая дуручка»

А ведь у меня в жизни никогда не было вот этих самых простых моментов, чтоб смеяться, чтоб не думать о том, как свернуть кому-то шею или сделать ответный ход да так, чтоб руки по локоть в крови. Любовь не начинается со взгляда в вырез платья, с желания раздвинуть ноги... она начинается вот так обыденно и совершенно предсказуемо. С улыбки, с каких-то фраз, с морщинок на носу, с нескольких веснушек, с запаха волос. Когда и зверски оттрахать хочется, и в тоже время косички плести, на руках качать и телек вместе смотреть с чипсами и кучей вредной дряни. И я смотрел. Садился с ней на пол по вечерам вместо каких-то клубов и смотрел, ржал с мультфильмов, исподтишка дергал ее за ухо, чтоб подпрыгнула, обливал колой и надевал на голову ведёрко с попкорном. Соответственно, получая сдачи. Иногда так и сидели с ведрами на голове и пытались отобрать друг у друга пульт. Я был счастлив, я был так неопишимо с ней счастлив, что потом... когда впервые вкусил ее тела, меня прошибло ею, как в тысячу двести двадцать вольт, пронизало неоновыми молниями, и все, и я прирос мясом к ее

мясу. И никогда меня от нее не отодрать. Разве что от меня одни кости останутся...

«— А мне нравится твоё имя. Я хочу произносить его вслух. Максим, — сжал горло крепче, и её глаза распахнулись шире. Испугалась, маленькая? Мне самому страшно, веришь? Я боюсь себя намного больше, чем ты, а ты злишь, намеренно или случайно, но злишь. Не мешай кирпичи складывать, не мешааай, маленькая, они обвалятся, и обоих, на хрен, задавит. Подалась вперед, но я удержал на месте.

— Что еще нравится? — голос как чужой, вниз по её шее к груди, и судорожно сглотнуть, увидев, как соски натянули материю топа.

— Всё. В тебе всё нравится, — задыхается и тоже на мои губы смотрит.

— Ты меня не знаешь, — а ладонь уже сжала её затылок, удерживая, чтоб в глаза смотрела, а другой рукой костяшками пальцев по скуле вниз к груди, каждым цепляя сосок. Инстинктивно... потому что уже соблазнила. Потому что хочу трогать.

— Это ты себя... — выдохнула от ласки, слегка прогибаясь в спине, а меня током прострелило, — не знаешь.

Усмехнулся почти зло и склонился к её губам:

— И какой я? Какой? — хрипло, глядя в полупьюные глаза с моим отражением.

— Целуй меня, пожалуйста, не останавливайся, целуй ме-

ня, — так естественно, что крышу снесло снова, к её рту, а ладони уже накрыли грудь, натирая твердые соски через материю топа большими пальцами. Такие тугие и чувствительные, каждое касание с её всхлипом. Стонет мне в рот, а я понимаю, что еще один стон, и я сам кончу в штаны, представляя, как бы она стонала, когда брал бы её».

Я достал из кармана кожаной куртки конверт, свернутый пополам, и вытряхнул из него содержимое на стол. Разложил бумаги в ряд и осушил бокал до самого дна. Не глядя поставил сбоку на стол. Вы когда-нибудь подписывали бумаги с собственным смертным приговором? Так, чтоб четко осознавать, что после поставленной вами подписи вас уведут в камеру пыток и начнут вырывать вам ногти. Жечь волосы, резать тело и заливать в него кислоту, выкалывать вам глаза и отрубать без наркоза части тела. Ваша смерть не будет гуманной — она будет одной из самых мучительных в мире. И вы видите все пункты этого ада у себя перед носом и понимаете, что, если не подпишете, возможно, они будут намного страшнее, потому что пытать уже будут не вас, а тех, кто вам намного дороже собственной жизни. Я снял обручальное кольцо, покрутил его в пальцах и положил на середину одной из бумаг.

Мой сотовый уже в который раз дергался в припадке от беззвучного звонка. И я знал, кто это. Меня поторапливали, а я хотел растянуть эти минуты зависания между дву-

меня смертями. Минуты, когда выбор еще не сделан, когда она еще не свободна, когда я по-прежнему дышу ее дыханием даже на расстоянии. Несколько минут до агонии. Несколько минут размышлений, и размашисто ставлю свою роспись на бумаге. Расхохотался, не выдержал. Оглушительно громко так, что на меня начали оборачиваться. Но это мое заведение, и мне по хрен. Захочу – все они уберутся к такой-то матери, и я останусь один. Продолжая хохотать, сунул кольцо в конверт вместе с бумагами и ответил на звонок:

– Да! Я согласен! Через неделю вылетаю. Кто меня встретит?

Отключил звонок и вышел из заведения на душный июльский воздух, насыщенный едким запахом бензина и городским смогом, с примесью сладковатого аромата духов и пота. Поднял голову и посмотрел на небо – усыпано звездами. Россыпью, как драгоценными камнями.

« – Ты понимаешь, что теперь я не отпущу тебя никогда, маленькая.

– Никогда-никогда?

– Никогда-никогда.

– А если разлюбишь?

– Видишь там, на небе, звезды?

– Вижу... а ты, оказывается, романтик, Зверь.

– Когда все они погаснут ...

– Ты меня разлюбишь?

– Нет. Когда все они погаснут – это значит, что небо за-

тянуто тучами. Ты не будешь их видеть день, два, неделю... Но это не говорит о том, что их там нет, верно? Они вечные, малыш. Понимаешь, о чем я?

– Нет... но сказал красиво.

– Все ты поняла. Довольная, да?

– Да-а-а-а-а».

И все же отпустил. Все гребанные звезды на своем месте. А я ее отпустил. От одной мысли об этом сердце переставало биться. Оно замирало в судороге безысходного отчаяния и слепой ярости, а потом снова медленно начинало набирать обороты. Просто орган для перекачки крови. Дырявый, покрытый рубцами, поношенный, обросший льдом с буквами ее имени под тонкой стягивающей плоть коркой крови.

У меня не было выбора. Да и меня уже нет на этом свете... точнее, есть где-то там в прошлом и каком-то необозримом будущем. Но не в настоящем. Я сел в машину и надавил на педаль газа. Поправил зеркало дальнего обзора и поймал в нем свое отражение – густая борода в пол-лица, мутный взгляд исподлобья и челка, падающая на лоб. Достал из кармана паспорт, открыл и выцепил взглядом свое новое имя. Произнес его про себя, но от каждого слога тошнота подступала к горлу. Ересь басурманская.

Снова достал сотовый.

– Здравов, Саня. Подзаработать хочешь? Конечно, хочешь. Не ссы. Ничего криминального. Заедешь ко мне – я передам

тебе конверт. Отвезешь его моей же... Отвезешь его Дарине Вороновой. Когда? Через десять-пятнадцать минут. И еще... телку мне найди. Брюнетку со светлыми глазами. Высокую и худую. Молчаливую и сговорчивую... Не бойся – не покалечу. Я разве просил цену? Все. Жду.

Вытащил симку и выкинул в окно. Вставил новую. Зашел в альбомы и стер все фотографии. Долго не мог стереть ту, что стояла на экране, поглаживал лица обеих, стиснув челюсти, а потом решительно стер. Очистил корзину и бросил соевый на соседнее сиденье.

Повернул резко руль и выехал на трассу.

Глава 1. Максим

Лишь глупые люди считают путь любви счастливым. Только тот, кто откажется от всего во имя Её, сможет встать на Её дорогу. И пройдя этой тропой до конца, он обретет не счастье, а боль. Но только тот, кто прошел по этому пути, может сказать, что жил.

© Мария Николаева, “Чужой путь”

Мне позвонили ночью. Часа в три. Я не спал. Сидел в нашей спальне на полу, облокотившись о стену и запрокинув голову. Нет, я не пил. Не мог себе позволить подобной роскоши, я хотел оставаться отцом для Таи, а не приходящим дядей с вечным запахом перегара изо рта. Время, которое я последнее время проводил с ней, помогало мне справиться с отчаянием из-за этого изнуряющего ожидания, когда же моя девочка придет в себя. Да, я терял надежду, зачем лгать... я ведь не идиот и понимал, что с каждым днем шансов на то, что Даша откроет глаза, становилось все меньше. Фаина не говорила мне это в глаза, она была слишком деликатной для таких жестоких прогнозов, но круглосуточное дежурство из палаты Дарины убрали уже пару месяцев назад. А я проводил там по несколько часов в день. Обычно утром. Приезжал с ее любимыми ромашками. Ставил в вазу, садился рядом

и брал ее за руку. Мне казалось, что, если я пропущу хотя бы один день, она почувствует, что я не держу ее, и «уйдет» от меня. И от этой мысли мне становилось жутко... потому что без нее я стану живым мертвецом, я уже им стал. В зеркало почти не смотрелся, но точно знал, что оттуда на меня взглянет заросший, осунувшийся человек с очень большими глазами.

Я гладил ее руку и наслаждался каждым прикосновением – какие же у нее тонкие и прозрачные пальчики. Такие нежные. Я сам срезал с них ногти. Я боялся, что ее поранят или причинят боль. Приезжал, чтобы вместе с сиделкой вымыть ее, переодеть в чистое и расчесать волосы, чтобы потом вдыхать запах на шее у самого уха и, закрыв глаза, представлять, как по утрам точно так же зарывался лицом в ее локоны. Вот оно счастье, какое же оно простое и невесомое. В незначительной ерунде, которая вдруг обретает совсем иной смысл, когда мы ее теряем.

«Маленькая моя девочка, я так соскучился по тебе. Я рассыпаюсь без тебя на молекулы и атомы. И жду тебя. Слышишь? Я жду тебя, малыш. Надо будет – десятилетиями ждать буду. Ты только пытайся вернуться обратно. Не сдавайся. Борись там. А я буду бороться за тебя здесь».

Я знал, о чем думает персонал, знал так же то, чего никогда не скажет вслух Фаина – они все считали, что ее уже можно отключить. Что надежды уже не осталось. А они знали, что за это я сверну каждому из них шею, и эти приборы

будут пиликать и сотню лет, пока я сам не решу иначе.

Целовал ладошку, прижимаясь к ней заросшей щекой. Потом укрывал ее. Гладил по волосам, целовал в губы и уходил. Мой телефон никогда больше не был выключен. Я следил за этим настолько маниакально, что едва видел, что зарядки осталось меньше пятидесяти процентов, у меня началась паника. Мне казалось, что это наша с ней связь. Пока я каждую секунду жду ее, она не посмеет нас бросить.

«Слышишь, малыш, даже не думай. Не смей от меня уходить. Я же найду тебя на том свете и вытрясу из тебя душу, поняла? Ты моя! Ты себе не принадлежишь!».

Больше года сплошной череды бесполезных дней... если бы не Таис, я бы свихнулся. Но она была моим утешением. Я погрузился всецело в нее. Она везде сопровождала меня, и мне было плевать, что по этому поводу думают наши деловые партнеры. Если кого-то вводило в заблуждение присутствие ребенка у меня впереди в детской перевязи, то едва я приступал к переговорам, эти заблуждения были развеяны мгновенно. Но иногда именно она помогала мне заключать сделки там, где, казалось, это было невозможно. Женщины любят детишек, и голубоглазое блондинистое существо с двумя передними зубами уламывало кого угодно. Она имела безграничную власть над каждым, кто к ней приближался.

Сотовый взорвался жужжанием на прикроватной тумбочке, и я потянулся за ним – едва увидел номер Фаины, серд-

це зашло от панического ужаса. Мне вдруг стало страшно ей ответить. За все это время она ни разу не звонила ночью. Я держал сотовый в руках и смотрел на монитор. От напряжения по лбу стекал пот, и капля упала на экран. Нажал, отвечая, и стиснул челюсти так, что сам услышал скрежет собственных зубов. И я молился. Верите? Я в эту секунду вспомнил «Отче наш»!

– Макс, она пришла в себя! Слышишь? Живая. Открыла глаза!

Выронил телефон, тяжело дыша, и снова поднял.

– Я сейчас приеду.... Я... приеду... Да... приеду. Черт!

Меня заклинило, и не могу сказать ни слова. Сердце дико бьется в висках, разрывается. Черт! Чем я заслужил? Как же я заслужил это чудо?

– Приезжай, но я не уверена, что смогу сразу впустить тебя к ней. Нужно провести много анализов и понять, в каком она состоянии. Не только физическом, но и психологическом.

– Да хоть вечность... вечность, Фая.

И солгал... на вечность меня не хватило. Не хватило и на день. Уже к вечеру мне рвало крышу – я хотел видеть ее. Я хотел посмотреть ей в глаза. Дьявол, я не просто соскучился, я осатанел от тоски по ней. Голос... мне бы голос ее услышать. Но меня держали в вестибюле и не впускали в отделение. Фаина не отвечала на звонки и не выходила ко мне. Я убил две пачки сигарет, и мне казалось, мои волосы стоят

дыбом, и меня трясло, как наркомана при страшной болезненной ломке. Днем в больницу приехал Андрей с Александрой и Каринкой. После обеда и Славик уже был с нами. Рядом с ними ждать было легче. Андрей стискивал мои пальцы, а Карина не разжимала объятий. Славик угрюмо молчал. Этот тип вообще был ужасно загадочным. Его эмоции прочитывать невозможно. Словно он выкован из железа, и мимика в его модели не была предусмотрена. Терминатор чертов. Но я его уважал и привык к нему за это время.

Когда увидели тонкую фигурку Фаины с папкой в руках, вскочили все, а меня пошатнуло. Она не спеша шла к нам, поцокивая тонкими каблуками по мраморному полу. И мне каждый ее шаг в голове набатом. Андрей сжал мое плечо, и я понял, что он сам ужасно нервничает.

– Ну что... она пришла в себя, и она в прекрасной физической форме. Насколько это вообще возможно в ее состоянии, – Фаина вроде как и говорила задорно, но я видел, что между ее фраз прячется пресловутое «но». И мне вдруг стало страшно его услышать.

– Но, – и внутри все оборвалось, – но после сильной черепно-мозговой травмы всегда есть осложнения.

Что-то осторожно покалывает и постукивает в затылке, как предчувствие.

– Мы можем ее увидеть?

– Нет... пока вы не можете ее увидеть. Никто из вас. Придется обождать где-то с часик.

– Черт! Я ждал все эти месяцы... не могу. Фая, чего ты не договариваешь? Скажи нам, что с ней? Это ведь не все.

– Ее физическое состояние совершенно не вызывает опасений. Все органы функционируют отлично, она полностью оправилась. А вот ее психологическое состояние... Дарина не помнит несколько лет из своей жизни. Словно стерся большой кусок из ее жизни. Я пока точно не знаю, насколько это необратимо и сколько лет она «потеряла». Но для нее не существует никого из вас. Она все еще живёт в детдоме. То есть появление каждого из вас может вызвать сильнейший стресс, и мне нужно ее подготовить. Вначале рассказать ей о семье и о самых близких родственниках, потом мы перейдем к тебе, Максим, и к ребенку. Вы все должны набраться терпения. Будет сложно.

Я слушал Фаину и не мог поверить в то, что это происходит на самом деле. Как дурацкий сериал. Бред, да и только. И еще у меня было ощущение, что произойдет нечто паршивое, нечто, что вывернет нашу с ней жизнь наизнанку.

Мне казалось, меня пнули под ребра, и я не могу отдышаться. К триумфу примешивалась горечь, настолько едкая, что мне хотелось сглотнуть, но я не мог.

– Мы все должны быть очень терпеливыми, Максим. Возможно, память к ней вернется, а может быть, и нет, и нам нельзя на нее давить. Нужно вводить информацию постепенно по маленьким крупицам.

Фаина вернулась через полтора часа и повела за собой всех... всех, кроме меня. «Вначале родственники», – сказала она, и я молча покорился. Сверлил взглядом стеклянные двери отделения и чувствовал, как от отчаяния дергается сердце. Дьявол, мне пекло глаза. Да, бл*дь, мне, как гребаной девочке, хотелось разораться от разочарования. Не помнит! Мать вашу! Не помнит меня!

Они вернулись через час, за это время я протер дыру в полу вестибюля и зверски хотел курить. Увидел их лица, и на какое-то мгновение радость затопила все внутри – они улыбаются. Они расслаблены – значит, с моей девочкой все хорошо. И это самое главное сейчас.

– Ну что? Как она? – посмотрел на Фаину, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения.

– Она в порядке, Зверь, – усмехнулся Андрей, – она сильная, наша девочка. Выкарабкалась. Даже шутила и улыбалась. Познакомились заново.

Дух захватило на какие-то мгновения. Моя малышка улыбалась. Черт, я б сдох сейчас за возможность увидеть ее улыбку и услышать голос.

– Вспомнила кого-то?

– Нет, брат. Никого. Разволновалась, когда рассказали о смерти ее отца и о том, что забрали ее к себе уже давно.

– А... а обо мне рассказали?

Фаина отвела взгляд, а Андрей положил руку мне на плечо.

– Рассказали, что ее нашли мои люди. Потерпи. Макс. Так надо. Это для ее блага. Расскажем. Обещаю, мы обязательно ей все расскажем.

Я усмехнулся криво, чувствуя, как радость уступает место какому-то серому, тоскливому разочарованию.

– Она уже знает, что ты существуешь. Пока не знает, как выглядишь и кем ей приходишься, но всему свое время. Нам нужно будет с тобой поговорить о стратегии поведения и о том, что можно говорить, а с чем нужно повременить.

Фаина старалась говорить со мной спокойно, как с больным ребенком, чем раздражала меня еще больше.

– Ничего страшного, дома даже стены помогут ей все вспомнить. Когда ее можно будет забрать домой?

Я сам не понимал, что говорю. Меня просто скручивало от ядовитой потребности увидеть Дарину. И мне вдруг захотелось всех их расшвырять в стороны и выбить дверь в ее палате, сгрести в охапку мою малышку и никому из них не давать.

– Макс, Даша поедет ко мне пока. Так лучше для нее, – тихо сказал Андрей, глядя мне в глаза, – это то, что советует ее психолог.

– Что? Повтори еще раз. Что именно сказал ее психолог?

– Психолог сказала, – пока Фаина говорила, Карина обняла меня и склонила голову мне на плечо, ощущая видимо, что я близок к срыву, – она сказала, что на данном этапе Даше не стоит раскрывать все прошлое и все страшные собы-

тия, которые в нем произошли. Это может ухудшить ее состояние. МРТ показало некоторые повреждения головного мозга, они обратимы со временем, но стрессы могут привести к последствиям, даже к приступам эпилепсии, а возможно, и убить ее. Давай наберёмся терпения, Макс.

У меня покалывало затылок и кончики пальцев. Я впал в какое-то оцепенение. Одна часть меня до безумия желала увидеть ее немедленно, а другая... другая настолько дико любила мою девочку, что я готов был терпеть годами.

Но мне вдруг показалось, что меня отшвырнуло назад в прошлое, где я был никем в этой семье, где меня вечно оставляли за бортом, а нахмуренное лицо Андрея напоминало лицо отца в минуты, когда он приказывал мне не лезть и отойти в сторону. Они ведь все решили там в отделении и вышли ко мне, уже все обсудив и приняв решение. Они ограждают ее от меня и в тоже время не забыли рассказать ей о себе.

– Даша все еще моя жена и мать нашей дочери. Я не считаю, что жизнь рядом с нами может ей чем-либо навредить. Мы поможем ей вспомнить так же, как и вы. Я не вижу разницы. Разве обязательно рассказывать о каких-то спорных моментах? Мы вместе все преодолеем у нас дома, где все напоминает о нас, и где она выбирала каждую картину и занавеску.

– Она моя сестра, Макс. А если она вспомнит то самое... и это навредит? Ты не думаешь об этом? Неужели ты сейчас настолько эгоистичен? – голос брата запульсировал в висках,

напоминая отцовский.

– Значит, рядом с вами воспоминания будут хорошими и позитивными. А со мной кроме ужаса и вспомнить нечего?

– Не психуй раньше времени, Макс. Успокойся. Никто не отбирает твою женщину. Мы все ее любим. Мы все хотим ей только добра и пытаемся вернуть ее к нашей реальности по шагам.

Вроде и успокаивает, и все верно говорит, а меня трясет от ярости и от бессилия. И я понимал, что они правы. Все я понимал. А держать себя в руках не мог. Меня просто трясло, как и тогда, когда приехал сюда после аварии.

– А Таис? Как быть с ней? Неужели мы будем врать о ребенке?

– Но можно ведь пока оставлять Таю с няней, Карина будет приезжать и Александра. Постепенно расскажем. Немного времени, Макс.

А ведь они уже все решили. Меня просто оставалось поставить перед фактом, и звучит все так, что они заботятся, а я, тварь эгоистичная, только одного хочу и о себе думаю. И они на моем фоне само благородство и благие намерения. Мое мнение ни черта не значит. Оно заведомо неверное и ненужное. Привет, долбаное прошлое, где ублюдок с подворотни был годен лишь для того, чтобы подтирать дерьмо за их величествами.

– Круто, вы все уже обдумали, а главное, как быстро. Это все за те несколько минут, пока из палаты ко мне шли? Или

вы закрылись где-то, чтоб стратегию разработать? Аааа, может, вы вообще давно приняли свои решения?

Фаина взяла меня за обе руки.

– Макс, ты не злишь сейчас. Не надо. Я знаю, что ты чувствуешь. Я понимаю, как долго ты ждал этого момента. Мы все тебя понимаем. Мы не враги тебе. Неужели ты мне не веришь? Я врач!

Я держал ее за руки, чувствуя, как волны ярости плещутся все тише, но все еще бьют меня изнутри отчаянием.

– Я помню, как ты хотела, чтоб она никогда меня не знала... помню, как все вы этого хотели.

– Но ведь она приняла решение. С тех пор ничего не изменилось, и мы никогда не отберем у нее право выбора. Просто она слабая. Нужно постепенно начать знакомить ее со всеми нами. Ты самая важная часть ее жизни. Но и замужество, и ребенок – это очень серьезно. Нужно принять себя сначала и осознать – кто она, где живет, сколько ей лет. Чем занималась все это время. Это тоже непросто и не за один день. Неужели ты не дашь ей этого времени? Ведь что значат какие-то месяцы в сравнении со всей жизнью, что вы проведете вместе. Даша любила тебя так, как никто на этом свете. Я никогда не видела такой любви... и она вспомнит тебя обязательно. Вот увидишь.

– А если ни черта не вспомнит? Что тогда?

Я уже не мог скрывать своего состояния. Мне казалось, я с ума сойду сейчас.

– Просто время. Это все, что нам нужно. Возможно, все образуется намного быстрее, чем мы себе представляли.

– Я хочу ее увидеть.... ужасно хочу, Фая. Меня трясет. Мне кажется, я сейчас сдохну.

Она вдруг улыбнулась и обхватила мое лицо руками.

– Идем, я дам тебе посмотреть. И совсем скоро ты увидишь ее своими глазами. Я знаю, как тебе тяжело сейчас, знаю, какой ты у нас нетерпеливый, но ведь ради нее можно все вытерпеть, да? Ты сам так говорил мне когда-то.

– Ради нее? Ради нее можно вырезать себе сердце живую и отдать ей.

– Ну вот... а я прошу у тебя всего лишь время.

– Ты точно хирург? Ты не психолог?

– Когда лечишь тело, невозможно не уметь лечить душу. Идем, посмотришь, какая она красивая даже вот такая растерянная и испуганная.

Она привела меня в ординаторскую, где велось наблюдение за особо тяжелыми больными в коме. Увеличила экран, показывая мне палату Даши, и я застонал вслух, увидев ее сидящей на постели. Невольно тронул монитор и даже не заметил, как Фаина вышла и прикрыла за собой дверь. Какая же она хрупкая, прозрачная и невероятно растерянная. Сидит на постели, так похожая на себя в первые дни тогда у меня дома. И я вдруг понимаю, что ведь ее все еще мучают те самые детские страхи, и она не будет спать ночью. Без меня она никогда не могла уснуть. Увеличил изображение

и вздрогнул, увидев ее лицо вблизи. Наконец-то с открытыми глазами, подвижное, живое. Не ту восковую маску, которую наблюдал все последние месяцы. Я провел пальцами по острой скуле, по приоткрытым губам. Как же я хотел ощутить ее кожу под своими пальцами, жадно пожирая ее реакцию.

Маленькая моя, как же тебя вымотали эти месяцы. Сердце болезненно сжимается при взгляде на шрам на лбу и тонкие провода, торчащие из запястья.

Встала с постели и, едва ступая, пошла к зеркалу, подтягивая за собой капельницу. Долго себя рассматривала, трогая свое лицо и шрамы, и мне до дикой боли в груди захотелось прижать ее к себе. Так, что пальцы судорогой свело. Один раз зарыться в них, ощутить их мягкость и шелковистость.

Вспомнил, как когда-то, вернувшись с очередного дела, подошел к ее комнате и распахнул дверь. Она спала в углу комнаты. Такая маленькая, скрутилась в клубок, голову на колени положила. Я тогда подошёл, осторожно наклонился, намереваясь поднять на руки, чтоб перенести в кровать, и вдруг почувствовал, как в грудь уперлось лезвие.

«— Не тронь.

Расхохотался и вдавил ее руку с кухонным ножом сильнее. В крови все еще играл адреналин после разборки. А смерти я давно не боялся. Мы с костлявой старые добрые приятели. Нам пока нравятся многоуровневые игры.

– Малыш, никогда не бери в руки оружие, если не намерена им воспользоваться. А хотел бы тронуть – давно бы тронул, и ты об этом знаешь.

Она знала, нож сама отдала, позволила себя на кровать перенести и укрыть одеялом, а когда свет потушил и уйти захотел, попросила посидеть с ней, пока не уснет... И что вы думаете я сделал? Нет... я не ушел. Я, бл*дь, остался. Просидел с ней до утра, глядя, как сопит, обняв подушку тонкими пальцами, как ресницы бросают тени на бледные щеки, и не заметил, как сам уснул в кресле».

Вот и сейчас до боли хотелось остаться. Сидеть рядом пока спит. Ловить каждый вздох, надышаться ею за месяцы эти. Воскреснуть хотел. Но даже подумать не мог, что стою уже одной ногой в могиле.

Глава 2. Дарина

На самом деле каждый из нас – театральная пьеса, которую смотрят со второго акта. Все очень мило, но ничего не понять.

© Хулио Кортасар, “Игра в классики”

Я не чувствовала, что это мой дом. Ничего здесь ни о чем мне не напоминало и казалось чужим. Словно меня позвали ненадолго в гости, и я вот-вот должна буду уйти в другое место. Я даже поглядывала на часы в моей комнате, считая какие-то эфемерные минуты до момента, когда надо будет домой. Они называли эту комнату моей, но роскошь и вот этот изысканный вкус разве могли быть моими? Хотя я точно знаю, что мой любимый цвет – синий, и в комнате этот цвет сочетался с белоснежным. Мне нравилось это сочетание. На полке игрушки – медведи. Ничего лишнего. Как будто я ни к чему этому не прикасалась годами, и внутри поднималась паника – а вдруг они все мне лгут? Вдруг это не моя жизнь и не мое все? Но в таком случае – зачем? Что я могла дать такому человеку, как Андрей? Ведь моего брата, и правда, звали именно так, как и второго Славиком. И если снова и снова смотреть на старые фотографии, то я узнавала знакомые черты – это они. Мои братья. Так похожи на маму. Особенно Андрей. Господи, столько лет я потеряла из

своей жизни. Уже месяц живу в этом доме. Месяц полной прострации, полной рефлексии. Я стою на месте, ничего не вспоминая, ничего не чувствуя. Мои воспоминания обрываются кошмаром, в котором я прячусь под кроватью в приюте, и чьи-то ноги в лакированных туфлях прохаживаются между постелями девочек. Он выбирает, и я молюсь, чтоб не заглянул вниз. Чтоб не выбрал меня. Первое время я и здесь пряталась под кровать. Идиотка... если верить им всем, мне уже за двадцать, а у меня в голове я еще в школе учусь. И когда пытаюсь что-то вспомнить, виски разламывает на части. От боли хочется орать.

Со мной работает психолог и Фаина. Только чем чаще я хожу по врачам, тем больше понимаю, что это бесполезно, я ни черта не помню и, возможно, не вспомню уже никогда.

Но несмотря на то что дом не казался мне родным, в нем царила приятная атмосфера. Жена Андрея ворковала с малышом, и когда я смотрела на него, мое сердце сжималось такой щемящей нежностью, мне казалось, что будь у меня мой малыш, я б до безумия его любила. Так же, как и Александра. Очень юная, почти одного возраста со мной. Красивая. Как с обложки журнала. О боже, неужели я живу и общаюсь с такими людьми? Я? Дашка – облезлая мышь с изгрызанными ногтями, вшами в голове и вечно грязным телом. В это верилось с трудом, но день ото дня я убеждалась, что все именно так, как все они говорят. Почти так. Потому что все же интуиция подсказывала – они говорят мне дале-

ко не все. Чего-то я не знаю. Есть какой-то пробел во всех рассказах об этих годах. Я попыталась разговорить слуг, но они словно языки проглатывали. Но я думаю, это Андрей их так «воспитал», они все ходили как тени, почти незаметно. Предпочитали отвечать коротко «да» или «нет». Андрей иногда бывал очень властным и серьезным, но не со мной, не с Каринкой и не со своей женой. Ближе всех ко мне оказалась именно Карина. Она в первую же ночь пришла ко мне спать. Мы вместе валялись под кроватью, и она рассказывала мне страшные истории, чтобы отвлечь меня от тех... от настоящих страшных.

Меня все еще мучили приступы головной боли, но Фаина дала мне таблетки, и, благодаря им, я справлялась с мигренью, или что там еще бывает после трепанации черепа. Иногда мне казалось, что меня вскрыли, перемешали там все в голове, перебили и собрали заново, сшили белыми нитками, типа так и было, а на самом деле что-то сильно перепутали. Андрей и Карина говорили, что за эти годы ничего примечательного не произошло. Наверное, даже неудивительно. У меня никогда ничего особенного не происходило. Вряд ли я перестала быть серостью и со мной произошло что-то необыкновенное. Чудес много не бывает – чудо уже то, что мой брат нашел меня и забрал у отца. И я не могла поверить, что со мной это происходит на самом деле. Что у девочки, которая часто засыпала от голода и мучилась головокружениями, теперь есть своя комната, свой гардероб,

своя машина и, о боги, свой смартфон, ноутбук и кредитная карточка.

Первое время я с опаской подходила к зеркалу. Мне казалось, там вообще не меня показывают. Я не могу быть ею, а она определенно не может быть мной. Но фотографии говорили об обратном – это именно я.

Вот эта девушка с короткими волнистыми волосами, аккуратным макияжем и... нет, вот это точно не про меня – С МАНИКЮРОМ! Вот нонсенс, и я понятия не имею, как и кому удалось заставить меня перестать их грызть. Конечно же, я все исправила – сгрызла их до мяса в первые же дни. А еще меня преследовал навязчивый запах больницы. Я постоянно его ощущала, он забивался в ноздри и мешал мне дышать. Казалось, он въелся в каждую пору на моем теле. Я очень тщательно вымылась под душем несколько раз, не переставая удивляться окружающей меня роскоши.

Мои вещи аккуратно висели в шкафу на вешалках. Все это мало походило на гардероб Дашки из приюта, убегающей к отцу алкоголику, но меня заставили поверить, что это мое. И я подносила их к лицу, трогая материал, рассматривая, принимаясь к запаху собственных духов. Да, у меня была французская парфюмерия и косметика, к которой было страшно подойти, не то что прикоснуться. Но определенно это все могло бы мне нравиться. Ничего не заставило меня решить, что это не было моим. Но на некоторых вещах держался еще один запах... мужской. Очень свежий и в то

же время терпкий из невероятно дорогих. Такое чувствуется инстинктивно. Он неуловимо исходил от воротника пальто, от рукавов жакета, на вырезе вечернего платья, от перчаток и шалей. Я перенюхала все свои духи – этого среди них не было. Но он почему-то казался мне моим... словно человек, который пользовался этим парфюмом был очень близок со мной, но это не Андрей. От него пахло совсем иначе. Более тяжелыми ароматами.

Дольше всего я пребывала первые дни перед зеркалом, рассматривая себя с ног до головы. Изучая свое тело... потому что оно сильно изменилось. И дело не только в сильно остриженных волосах, которые немного отросли, но все равно смущали меня своей длиной. На улицу я выходила в шарфике. Александра научила меня красиво завязывать его на голове и обматывать шею. Но без него первое время я выйти не решалась. Потом жена брата отвела меня к стилисту, и я обзавелась модной прической, чуть прикрывающей уши. Меня постоянно не покидало ощущение, что я какая-то чужая. Странная. Непонятная я и не на своем месте. Мне чего-то страшно не хватало, и это повергало меня в панику.

Когда первый раз разделась наголо и рассматривала свое тело, мне казалось, что оно и не мое вовсе. Я стала женственной. И грудь... у меня никогда не было такой груди. Я прикрыла ее руками. Как сильно время меняет человека. И я искала на себе все отпечатки времени, которые можно было заметить. Дырочки от серег в ушах, цепочку с диковин-

ным цветком или белую полоску на безымянном пальце правой руки. Я рассматривала ее постоянно – на этом месте точно было кольцо. Такие следы остаются, если долго носить какую-то вещь, не снимая. Почему именно на этом пальце? Внятного ответа никто не дал. Пожали плечами, сказали, что у меня было много колец, и это могло быть любое из них. И они были правы – у меня, и правда, было много колец. Я перемеряла все, но ни одно из них не было такого размера, как след. Может быть, его сняли в больнице и забыли отдать? Я спрошу у Фаины. Любая мелочь важна для меня. Может быть, я увижу это кольцо и что-то вспомню.

Сегодня был день рождения Карины, и к вечеру должны были съехаться гости. Точнее, как я поняла, из-за меня придут только самые близкие родственники. Андрей не хотел, чтоб меня мучили вопросами. Я и сама была не готова к вечеринкам и огромному количеству гостей. Я с детства ужасно не любила большие скопления людей. Я впадала в ступор, и мне панически хотелось сбежать и забиться в угол. Ближе к вечеру я все же решила пересмотреть свой гардероб снова.

Ничего себе, сколько вещей! Не помню такого гардероба у себя. Я это ношу? Вот это? И вот это тоже? Одно платье короче другого, все какое-то прозрачное, обтягивающее, вызывающее или наоборот – костюмы и жакеты, юбки до колен и узкие платья. Я все это сама выбирала? Будь это шкаф Александры, я бы не удивилась, но чтоб я вот это носила?!

Но ничего другого там не нашлось, кроме моих новых джинсовых штанов и пары блузок, которые мы купили с Кариной. Все вещи, скорее, напоминали сценические костюмы, ну или по крайней мере мне так казалось. На глаза попало красное платье с мелкими блестками, полупрозрачное, без излишеств, до колен. Более или менее скромное из всего, что здесь было. Правда, когда надела, обнаружила разрез сбоку. Невольно восхищенно потрогала материал и вдруг почувствовала снова тот неуловимый мужской запах, который держался на многих других вещах. Я поднесла платье к лицу и закрыла глаза. Нет... никаких воспоминаний. Возможно, я ходила в этом платье на свидание..., наверное, у меня был парень. Если это вообще возможно. В приюте я с мальчишками обычно дралась, и никаких романтических чувств они во мне не вызывали... никто, кроме старшеклассника Димки Плетнева. Редкого бандита. Когда видела его, сердце начинало тревожно дергаться, и ужасно хотелось, чтоб заговорил со мной или заметил. Но он ни разу не взглянул даже, кроме того раза, когда меня ударил его одноклассник, и мы познакомились с Димой – он набил ублюдку морду. Больше мы не общались. Я ходила и вздыхала, а он встречался с самой красивой девочкой на районе – домашней. Дочкой полковника милиции.

Я порылась в ящиках в поисках колготок, но кроме чулок ничего не нашла.

Черт. Нет, я не могла этого носить. Это не про меня и не

обо мне вообще. Я пока надену, я их порву своими огрызками. Завтра же поеду за новым гардеробом. Какого черта я все это на себя натягивала? Как будто кого-то соблазняла. Но ведь, может, так оно и было? Может быть, у меня был роман с каким-то очень серьезным человеком, и я даже любила его... Но тогда почему его не было в больнице, и никто мне о нем не рассказал? А потому что он тебя бросил. Вот и все.

Почему? Почему я ни черта не помню?! Ведь хотя бы своего мужчину можно было запомнить? Я девственница или нет? Даже об этом ни одной мысли в голове... желательно, чтоб уже нет, а то стыдно как-то. Мне ужасно хотелось знать или хотя бы представить себе первого мужчину, и каким он был. Любила ли я его? А он меня? У нас был с ним дикий секс или очень все нежно, цветы и свечи? Божеее, о чем я вообще думаю? Но если порыться в ящиках получше после вечеринки, когда все уснут. Не может быть, чтобы это было все. Они что-то скрывают от меня. Притом все.

К дому подъехала еще одна машина. Я каждый раз с любопытством выглядывала в окно, чтобы попытаться угадать – кто есть кто. Всех их я видела на фотографиях или должна была видеть. Подошла к окну и чуть отодвинула шторку в сторону. Из джипа вышел мужчина во всем черном, и у меня что-то тревожно дернулось внутри. Я прильнула к стеклу – казалось, я его уже где-то видела, потому что сердце забилось чуть быстрее. О таких обычно говорят – дьявольски красив. Даже издалека. Высокий, с широким разворо-

том плеч и короткими черными волосами он напоминал мне хищника, выбравшегося из клетки.

В каждом движении какая-то мощь и опасная грация. Он вдруг резко поднял голову, а я продолжила смотреть, и сама не поняла, как невольно прижала руки к груди. Мужчина остановился, глядя на меня, а я ощутила мощную волну магнитного притяжения и покалывание вдоль позвоночника. От неестественного волнения пересохло в горле. Слишком долго смотрит, и я не могу оторваться. Он едва заметно кивнул и вошел в дом. А я отвернулась от окна, все еще прижимая ладонь к груди и стараясь дышать ровнее.

За мной пришла сама Карина. Такая воздушная в белоснежном платье с модной прической и блестящими от счастья глазами – Андрей подарил ей музыкальную студию. А Александра обещала, что они запишут вместе много песен. Я долго не решалась что-то купить. Я боялась тратить деньги с карточки. Мне все казалось безумно дорогим. Но мы вместе с Александрой и Фаиной поехали в город и заказали для Карины подарочную карточку в ювелирном магазине... Меня там все знали. Вежливо здоровались, обхаживали со всех сторон, а мне хотелось скорчить рожу и спрятаться где-нибудь в туалете. Помогало лишь напоминание самой себе, что мне не шестнадцать.

Я так и не решалась спуститься к гостям, и она, взяв меня за руку, повела вниз по ступеням. Едва я увидела, что за столом, и правда, всего лишь наша семья, и всех я знаю...

всех, кроме мужчины, который только что приехал.

Все повернули головы в мою сторону, и я ужасно смутилась. Невольно отыскивала взглядом того самого незнакомца, который только что вошел в дом, и вздрогнула, когда встретила, он поднял на меня тяжелый взгляд темно-синих глаз. Кислород застрял где-то в горле, и я нервно стиснула пальцы в кулак. Если на свете существует идеально-ослепительная мужская красота, то сейчас я созерцала ее во всей красе. Незабываемая внешность. Притягивающая и заставляющая оцепенеть от восхищения. И этот взгляд. Тяжелый, глубокий, как самое пронзительное синее небо. В сочетании с черными волосами и смуглой кожей этот цвет выглядел как ненастоящим, и я невольно тряхнула головой и тут же спрятала упавшую на глаза челку за ухо. Это ужасно, так пялиться на человека. Кто он? Почему я смотрю на него, и меня накрывает какой-то волной, я начинаю ужасно нервничать, и сердце бьется на несколько ударов быстрее.

А он подмигнул мне и, осмотрев с ног до головы, вздернул бровь с легкой усмешкой, скривившей чувственные губы. Неуютно и как-то не по себе стало – на меня так никогда не смотрели. Я слегка повела плечами, избавляясь от наваждения. Гости, если так можно было назвать моего среднего брата и Фаину с Глебом, особо меня не смутили. Никто меня не смущал, кроме этого мужчины. Карина провела меня к столу и усадила рядом с собой и напротив того самого незнакомца. Если он не наша семья, то кто он и что делает здесь?

– Не стесняйся. Здесь все свои, и мы сотни раз сидели за этим столом. И ты прекрасно выглядишь. И не волнуйся, все мы знаем, что тебе сейчас очень тяжело, и мы тебя очень любим, Дашуль.

Мне вдруг стало как-то неловко, что этот ребенок успокаивает меня – взрослую девушку.

– Ты просто думай о том, что мы все тебя знаем и очень любим. И позволь тебе представить твоего дядю Макса.

Тот резко отставил бокал на стол и хищно мне улыбнулся.

– Да, милая, я твой дядюшка Максим. Родной братец твоего брата Андрея по бабушкиной линии.

Я чуть нахмурилась, потому что прозвучало как-то вызывающе странно. Может, поэтому я его и помню. Хотя странно, остальных все же нет, а его да? И его взгляды на меня, они явно неродственные, или мне так кажется, или я просто хотела бы, чтоб так было, потому что он неестественно красив. Он отвратительно и неправильно красив, и я не хочу, чтоб он был моим дядей.

– Простите... прости... я не помню тебя. Никого не помню. Но я рада новому знакомству с тобой, дядя Макс.

Его передернуло, и он болезненно поморщился. Но прежде чем я успела что-то сказать, вдруг протянул руку через стол и взял меня за запястье, сжимая мои пальцы в горячей ладони. Это было как удар током, и меня пронизало острым уколом под ребрами и в виски. Я высвободила пальцы и тут же обхватила ими бокал с шампанским.

– Звучит ужасно. Называй меня просто Макс, малыш. Без дядей и тому подобной хрени.

И еще один прострел... это мягкое, но в то же время властное «малыш». Очень уверенно. Как будто называл меня так всегда.

– Ты расслабься. Здесь все свои. Поверь. Память – это далеко не самое страшное, что можно в этой жизни потерять.

Продолжает смотреть на меня чуть исподлобья, и меня давит этим взглядом, но в то же время я бы хотела, чтоб он смотрел бесконечно долго. Мне вдруг ужасно захотелось сбежать. Вот просто взять и смыться с этого ужина куда подальше. Меня напрягал мой неожиданный родственник, напрягали его взгляды. Казалось, эти синие глаза прожгут меня насквозь, сделают во мне дыру. Он меня пугал. Я чувствовала исходящую от него животную силу, некую ауру опасности. Когда каждая клеточка тела вопит: "беги без оглядки". Постепенно мною овладевала паника. Незаметно подкрадывалась, как издалека. Почему он смотрит на меня, как... черт, как на женщину? Или мне кажется?

Я снова бросила взгляд на Карину, словно моля о помощи, но она настолько увлеклась обсуждением подарка Андрея с Александрой и предстоящей записью альбома вместе с ней, что просто не обращала на меня внимание. Брат беседовал со Славиком. И мне казалось, что нас как нарочно оставили с Максом наедине. Макс... Ему оно подходит, это имя. И снова про себя несколько раз. И по телу разливается теп-

ло. Наверное, я покраснела и вообще веду себя как полная идиотка.

Он то и дело наливал мне напиток, подсыпал новых деликатесов, и, самое интересное, в моей тарелке оказывалось именно то, что я люблю. Значит, мы были с ним не просто знакомы, а очень тесно общались, иначе откуда ему знать все мои вкусовые предпочтения.

– Тебе нравится в этом доме? – у него низковатый голос, вкрадчивый, осторожный. И опять на ум приходит сравнение с хищником, с опасным зверем.

– Не знаю. У меня нет ощущения, что это мой дом. Мне пока все кажется здесь чужим.

Глаза Максима странно вспыхнули и тут же погасли.

– Мне кажется, что я должна была жить совсем в другом месте.

– Думаешь?

– Не знаю. Наверное.

– А где ты могла жить?

Очень живой интерес, он даже слегка подался вперед.

– Скорее всего, с подругами или со своим парнем. Но не здесь. Мне кажется, я могла приезжать сюда в гости, но не жить. А ты знаешь – у меня был парень?

В глазах Макса мелькнула насмешка, он скептически приподнял бровь.

– Насколько мне известно, именно парня у тебя не было.

Я улыбнулась:

– Конечно, наверное, я ужасно привередливая и ожидала принца на белом коне.

Вспомнился Димка в милицейской форме, и я улыбнулась.

А Максим отпил виски из бокала и откинулся на спинку кресла. Мне показалось, что он напрягся.

– Да? Непременно на белом? Тебе этот цвет никогда не нравился. Может быть, еще какие-то приметы, цвет волос, глаза. Каким бы он был, твой парень, м?

В длинных пальцах Максима появилась сигарета, и я с огромным удивлением увидела на его безымянном обручальное кольцо – он женат. И где она? Женщина, которая умудрилась заполучить этого красавца? В сердце кольнуло легкой завистью.

– Ну так как? Поделишься с... ДЯДЕЙ? Раньше ты была со мной очень откровенна.

Неужели? Верилось с трудом. Но я все же мечтательно прикрыла глаза.

– Так что насчет принца? – настойчиво переспросил Максим и затянулся сигаретой.

– Темноволосый, очень высокий, красивый.

Макс едва заметно подался вперед, и в его руке дрогнул бокал.

– Военный в красивой форме или полицейский. Зеленоглазый. И чтоб обязательно спортом занимался. Борьбой ка-

кой-то.

Взгляд Максима сильно потяжелел, и я физически почувствовала эту тяжесть, словно на меня повеяло ледяным холодом и приплюснуло меня к земле. Он прищурился и пристально посмотрел мне в глаза.

– Живой прототип или сама придумала?

Я отхлебнула шампанское и мечтательно закатила глаза.

– Конечно живой. Мы учились вместе... он потом поступил в юридический и стал работать в полиции.

Макс поставил бокал на стол и пристально смотрел мне в глаза все тем же ужасно тяжелым взглядом. Он резко затушил сигарету в пепельнице и очень неожиданно спросил.

– Что еще между вами было настоящим?

Конечно, ничего не было и даже быть не могло, но мне почему-то ужасно захотелось сказать, что было, что я, да, нравилась мужчинам.

– Мы встречались, и он мне ужасно нравился. И я не помню – расстались мы или нет.

Макс раздавил бокал в руке так неожиданно, что я вздрогнула, а он сдавил осколки, продолжая смотреть на меня и капая кровью на скатерть. На нас тут же все обернулись, и Фаина подскочила к нам, она что-то сказала ему на ухо и быстро увела из зала, а я так и осталась сидеть в полном оцепенении, а потом подскочила, чтобы побежать за ними, но Андрей велел мне остаться.

– Фаина – врач, и ей не нужны помощники. Давайте лучше

разрежем торт. Такого торта ты точно никогда не ела!

Пока к столу несли торт с громким напеванием знаменитого «С Днем Рождения тебя!», я постоянно оборачивалась, ожидая, что они вот-вот вернуться, но вернулась только Фая.

– Макс извинился, ему срочно позвонили, и он был вынужден уехать...

И в эту секунду у меня появилось стойкое ощущение, что я сказала и сделала, что-то не то.

Глава 3. Макс

Хочешь сделать людей свободными – сначала освободись сам. Хочешь, чтобы тебя полюбили – полюби сначала сам. Хочешь что-то получить – отдай сначала своё.

© Виктор Лихачев, “Кто услышит коноплянку?”

– Фаина, Фаинаааа, я не хочу это терпеть, ясно? Не хочу и не могу! Это бред. Это какая-то ваша долбаная игра, которая меня бесит. Где этот врач, я перекручу его мозги на фарш и заставлю сожрать его купленный диплом!

– Тссс! Тихо! Они услышат тебя! Что с тобой? Тебя никто не просил от нее отказываться или разводиться. Всего лишь время и осторожность. Ну нельзя все вывалить на нее, понимаешь? НЕЛЬЗЯ! Потерпи, черт возьми.

– А Тая? Ребенок с няньками, а не с матерью, это можно? Это нормально?

– Все ненормально, Максим. Вся эта ситуация ненормальна. Но так получилось. В этом никто не виноват, и меньше всего в этом виновата Дарина. Неужели тебе не хватает терпения и деликатности? Она откровенна с тобой...

Я расхохотался, выдергивая руку, которую Фая щедро поливала перекисью.

– Откровенна? На хрен мне ее откровенность? Мне неин-

тересно, какого ублюдка она там любила в своем интернате. А если завтра она решит себе нового хахалю завести и тоже со мной поделится... Это плохо кончится, Фая. Очень плохо. Или ты меня не знаешь. Сворачивайте все эти декорации, как можно быстрее. Надолго меня не хватит.

Я выдернул руку из ее тонкой руки и отошел к окну. Яростно распахнул его настежь, чтобы втянуть в себя холодный воздух и протрезветь от той злости, что меня разрывала на части. Фаина подошла ко мне сзади и положила мне руки на плечи, успокаивая. Черт, эта маленькая женщина определённо умела вправлять мозги на место и вовсе не хирургическим вмешательством.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, Макс. Ты ждал. Очень долго ждал. С ума сходил. Я все это видела, все это было на моих глазах, и кто знает, если бы не твое упорство, была бы она с нами сейчас или нет. Но именно поэтому – зачем торопиться? Она твоя женщина. Настолько твоя, что она снова начнет тебя чувствовать. Проводи с ней больше времени. Общайся. Ухаживай за ней. Все вернется...

– Но может и не вернуться, никто этого не знает, и каким бы хорошим врачом ты не была – ты не прорицательница, Фая, – глухо сказал я, сжимая челюсти и пытаюсь успокоиться, – а если она больше никогда не станет моей, полюбит кого-то другого? Она знает, что свободна. Ты предлагаешь мне закрыть на все глаза и смотреть, как она живет без меня и без своей дочери? Ты, правда, считаешь, что я способен на это

лоховское благородство? – усмехнулся, глядя в ее светлые глаза и чувствуя все то же раздражение, – так вот, ты ошибаешься, я никогда не отличался особым тактом. И мое будет принадлежать мне. Я потерплю. Но ровно столько, сколько сам сочту нужным.

– А ты предлагаешь насильно привезти ее к себе и заставить быть с тобой, когда...

– Когда что? Когда она ко мне совершенно равнодушна?

– Именно так. Или ты хочешь ее заставить, Макс? Надавить в твоей привычной манере. Взять то, что хочешь ты?

Я смотрел на нее исподлобья и чувствовал, как кровь закипает в венах. О да, я бы заставил. Я бы уложил ее на нашу постель и заставлял вспоминать двадцать четыре часа в сутки – кто я и как меня зовут, и как сладко она умеет кричать подо мной. Но я пожалею практически девственные ушки Фаины и не стану говорить ей об этом.

– Ты не посмеешь так с ней поступить. Это подло!

– Ооо. А вы уже успели забыть, что я подлец? Или мне удалось реабилитироваться? Не диктуй мне, как вести себя со своей женой.

– Значит, будь постоянно рядом. Завоюй ее заново!

– Серенады не спеть под окном?

– Я сказала – не напугать, а ухаживать.

Я зло хохотнул. Это было бы весело, если бы меня не распирало от злости.

– Ищи выходы, Фая. Ищи. У тебя нет много времени.

Развернулся и вышел из дома. Проклятье. Мне все это казалось идиотским фарсом, который больше похож на какую-то американскую дешевую комедию. Пока ехал в машине, ужасно хотелось свернуть к какому-то бару и выпить, а еще больше хотелось заехать туда, куда сто лет не заезжал. Особенно когда вспоминал ее в этом проклятом красном платье. Что я с ней вытворял, когда она была в нем, а потом без него. Сегодня впервые увидел ее после больницы, и меня повело. От голода адского по телу ее, по запаху. Обычного мужского голода, когда долгие месяцы никого. И даже сама мысль об этом была отвратительна. Потому что она там с трубками из вен и дышит хрипло и жутко. А сейчас словно взорвало меня, воскрес вместе с ней и понял, что подыхаю от жажды. И от красоты ее. От этих волос коротких с завитками на тонкой шее и ключиц острых. От груди под шелком платья и ноги в разрезе. Притянуть к себе, жадно вдыхая запах шеи, положить ее руку на вздыбленный член и спустить ей в ладонь, рыча и закатывая глаза. А потом трахать до потери пульса так, чтоб ее грудь тряслась в такт бешеным толчкам и чтоб голову запрокидывала, кончая и выкрикивая мое имя. Твою ж мааааать. Тормознул на обочине и переносицу сжал двумя пальцами, стараясь прийти в себя. Ни хрена я ей не дам никакого времени. Мы начнем вспоминать уже завтра. И у нее просто не останется выбора. Она будет со мной, и мне плевать, хочет она этого сейчас или нет. Захочет. Я любую мог соблазнить всегда, и она не устоит. В конце концов,

я каждую точку на ее теле знаю и не только на теле, а и в голове.

Я снова вдавил педаль газа и приехал домой. Поднялся к себе не переодеваясь, на ходу достал бутылку виски из шкафчика. Давно не пил. Не позволял себе увязнуть в пьяном угаре. А сейчас скрутило всего, и я вытащил зубами пробку и потянул из горла обжигающую жидкость. Носом втянул шумно воздух, а ртом резко выдохнул, поднося к лицу руку, согнутую в локте. Пробрало мгновенно, и алкоголь расплескался по венам, поджигая кровь. Я разморозился после спячки, воскрес вместе с ней и теперь горел. А еще я видел ее блестящие глаза и дерзко вздернутый подбородок, когда рассказывала об этом своем хахале, мне хотелось придавить ее к стене где-нибудь на лестнице и войти в нее. Бл*, я хотел секса. Я до трясушки хотел секса с ней быстрого, голодного и дикого, и мне было плевать где. Лишь бы войти в нее. Все тело прострелило возбуждением, и я сделал еще один глоток виски. Пусть она меня не помнит, но помнит каждая клетка ее тела. Оно отзовется. Я заласкаю ее до полусмерти, до хрипоты. Я видел, как она на меня смотрит, и я прекрасно знаю этот взгляд. Интерес. Реакция на внешность безотказная. Томная поволока, так легко узнаваемая с опытом. И если с другими она меня, скорее, раздражала, то с Дашей я воспламенился от одного ее заинтересованного взгляда. Эти глаза... с ума сойти можно, как же я соскучился по ним и по своему отражению в них. Ничего, госпожа Воронова, мы по-

знакомимся с вами заново. И у вас не останется ни единого шанса уйти от Зверя.

Отбросил крышку ноутбука и удовлетворенно прищелкнул языком.

– Да, малыш, я подонок и гребаный вуайерист. И, да, я слежу за тобой. За каждым твоим движением.

Грузно завалился в кресло, сунул сигарету в рот и двинул мышкой. Вбил пароль и подался вперед, отпивая из бутылки.

На экране, разбитом на шесть одинаковых квадратов, была видна спальня Дарины во всех ракурсах и даже душевая. Да, я эгоистичная скотина. Я хотел быть рядом с ней всегда. Пусть даже таким образом. Сегодня утром у нее в комнате установили маленькие камеры. Да, брат об этом не знал. Да, мне это обошлось в круглую сумму два раза. Подкупить его человека, чтоб испортил проводку, а потом сам же починил и установил для меня прослушку и онлайн трансляцию.

Даша зашла к себе и заперла дверь, прислонилась к ней спиной. С ее лица исчезла улыбка и то самое выражение, с каким она вышла к гостям. Сняла маску, моя девочка. Хреново тебе, я знаю. Сам маски ненавижу. Я приблизил изображение и присмотрелся к ее лицу – глаза распахнуты и в них полное недоумение и усталость. За виски берется. Трет их. Не говорит, наверное, Фае, что голова болит. Всегда ненавидела лекарства. Я заставлял пить витамины во время беременности притом самыми разными способами. Бл*дь! Как же мне этого не хватает. Вот этого простого времени рядом

с ней. Когда это так привычно – взять ее за руку или тупо смотреть телевизор, перебирая ее волосы, чувствуя, что засыпает. Потом относить в спальню и начинать работать. Чтобы среди ночи она пришла и забралась мне на колени. Отгораживая от ноутбука и обволакивая своим сонным запахом и теплотой тела.

На экране Дарина сбросила туфли на каблуках и растерла пятки, а я усмехнулся, она всегда так делала. Приподняла подол, и я судорожно сглотнул, когда стянула по очереди чулки. Прошлась босиком по ковру, на ходу расстегивая змейку на платье. Долбанный шерстяной подонок, надо его сжечь за то, что касался ее ног, а я нет. Вздрогнул от непреодолимого желания сжать в ладонях ее ступни и облизывать пальцы, глядя в ее темнеющие глаза и на приоткрытый рот. Сбросила платье, и я судорожно выдохнул, увидев ее в одних трусиках и лифчике. Твою ж мать! А она подошла к огромному зеркалу на стене и очень пристально смотрела на свое отражение, так же пристально, как и я на округлую попку с тонкой полоской кружева посередине... полоской, впившейся между соблазнительными ягодицами, переходящими в тонкую талию. Я смотрел, как она трогает свои волосы, скулы, губы... и грудь.

– Маленькая, ты красивая до безумия. Ты ходячий секс. Бл***дь, если бы ты смотрела на этот долбанный экран моими глазами, ты бы знала, как дико я хочу тебя трахать и как я сдерживаюсь, чтобы не кончить просто от того, что смотрю

на твоё тело в нижнем белье.

Я зарычал, когда она завела руки за спину и щелкнула замком кружевного лифчика. Потянулся, чтобы захлопнуть нут, и не смог. Меня трясло от жадного желания смотреть, как она разденется догола. Смотреть на её обнажённое тело и дуреть от похоти. Конченный мазохист. Я увеличил изображение ещё больше и облизал пересохшие губы. Мгновенная болезненная эрекция заставила заскрежетать зубами. Я вцепился в столешницу, жадно всматриваясь в экран, пожирая голодным взглядом её грудь с увеличившимися после родов сосками, и меня начало трясти от возбуждения. Во рту выделилась слюна, когда я вспомнил, как они твердеют под моими губами, как вкусно их прикусывать и слышать её всхлипы. Сжимать и выкручивать, растирать ладонью. С рыком потянул змейку на ширинке и сдавленно застонал, когда обхватил ладонью возбуждённый до предела член. Когда она стянула трусики, я громко выругался матом и сжал плоть у основания, тяжело дыша и глядя, как она идет в ванну. Алчно по экрану безумным взглядом, переключаясь между квадратами и нажимая увеличение. Когда Даша стала под душ, я стиснул челюсти до хруста, глядя на капли воды, стекающие по её телу. Бл***дь, я бы сейчас трижды сдох только за одну возможность рухнуть на колени, стиснуть её ягодицы, вдавливая в кафель и закидывая её ногу себе на плечо, дико вылизывая складки, раздвигая их пальцами и втягивая в рот клитор. Вбиваясь языком в сокращающуюся мякоть,

собирая губами спазмы оргазма в предвкушении, как войду туда членом, и она взвояет от первого толчка, царапая мою спину. Треклятая мочалка цепляет ее сосок, а меня простреливает разрядом в тысячу вольт, и я невольно двигаю ладонью вверх уже не в силах сдерживаться, опираясь другой рукой на столешницу, впившись взглядом в тело своей жены и двигая рукой все быстрее и быстрее по стволу члена. Судорожно вздрагивая каждый раз, когда она терла свою грудь мочалкой или наклонялась вниз. Твою ж мааать. Я обожал вот так приходить к ней и жадно брать в душе. Скользкую, мокрую. Распаренную и горячую. Скользить пальцами в ее дырочках, ловить губами стоны и всхлипы, растирать твердый узелок между складками, сжимать его, пока извивается, скользя грудью по кафелю, и прогибается, принимая мои пальцы глубже. Какая же она отзывчивая, чувствительная. Я мог довести ее до оргазма в считанные секунды, и я любил это делать в самых неожиданных местах. Я любил мучить ее, дразнить и изводить так, чтоб она краснела и опускала взгляд, когда моя рука шарилась у нее между ног под столом. И сатанел, ощущая какими мокрыми стали трусики, отодвигать их в сторону и смотреть на нее, отпивая виски, сдерживая рык и проталкивая палец глубже под ее румянец и дрожащие веки, смотреть, как расплещивается сок или шампанское и как судорожно она делает глотки, сжимая столешницу тонкими пальцами. И убрать руку в тот момент, когда почувствую первые легкие спазмы перед точкой невозврата под

ее затуманенный взгляд. Щелкнув языком «рано, маленькая, не сейчас». Слегка мотнув отрицательно головой, усмехаясь уголком рта и наслаждаясь тем, как тяжело она дышит. А потом вытащить ее на лестницу или веранду и, затолкав трусики в рот, яростно трахать, намотав на кулак шелковистые пряди.

«Вот теперь кончай, малыш... но не кричи. Молча, девочка. Кончай молча».

А потом возвращаться за стол и демонстративно подносить к лицу пальцы, втягивая аромат ее соков.

Я громко застонал, вспоминая, как сладко она сжимала меня тугим и мокрым лоном, извиваясь подо мной, пока я долбился в нее, как одержимый, каменным перед взрывом членом.

Откинулся назад, сильнее сжимая член и двигая рукой все быстрее под воспоминания и под ее стоны у меня в голове, под шлепки мокрых от пота тел. В такт своим толчкам, закатив глаза и чувствуя, как пульсирует плоть и щекочет головку приближающееся торнадо. Я кончал, глядя остекленевшим взглядом на ее грудь, на торчащие под струями воды соски... мысленно я кусал их и жадно сосал, пока извергался внутри ее тела бурно и с громким криком, заливая спермой столешницу и содрогаясь от адского невыносимого наслаждения, пачкая свой живот, выгибаясь назад, не прекращая двигать рукой по каменному, пульсирующему и дергающемуся члену. Бл*дь... все эти гребаные месяцы я даже не

думал об этом. А стоило ей вернуться, и все... конченный, повёрнутый на ней озабот возродился из пепла и тут же возжелал получить ее тело. Я успел забыть, насколько повернут на моей девочке с глазами цвета осеннего неба.

Я смотрел, как она вытирается, выходит из душа, и все еще сжимал себя дрожащей рукой. Твою мать! Как пацан. Как голодный прыщавый старшекласник.

В следующий раз я кончу в нее, на нее и с ней. Или я, бл*дь, не Макс Воронов. Я вытер себя своей же рубашкой и швырнул ее в мусорку.

Ошпарил пересохшее горло виски, сунул в рот сигарету и прикурил, не спуская с нее пьяного взгляда.

Когда зазвонил сотовый, я потянулся к нему не глядя и прохрипел:

- Да.
- Ты какого хрена не отвечал? Спишь, что ли?
- Здраваться учили, Граф?
- Меня много чему учили, Зверь. Дело есть. Не по телефону.

Мы остановились на мосту и вышли из своих машин, стали у парапета, глядя на черную воду, по которой кругами плавали сухие листья. Я закурил и протянул сигарету брату – тот прикурил от моей сигареты и шумно затянулся. А я

смотрел на его профиль и чувствовал его напряжение в затяжном молчании. Словно он все еще что-то обдумывает.

– Я с Зарецким сегодня встречался на нейтральной территории.

– Твою ж... с тем самым?

– С тем самым. Предложил мне стволы, взрывчатые вещества и боеприпасы переправлять на Ближний Восток. Типа списанные, которые подлежали уничтожению. Бабки большие предлагал. Место в парламенте и свою крышу.

– И?

– Отказался я.

Я прищурился, сильнее сжимая фильтр сигареты. Только мы с Андреем знали, что это означает. И у меня мгновенно вздымился мозг, я видел по взгляду брата, что и у него тоже.

– А каким боком он там? Или легально?

– Ни хрена не легально. Они нашими задницами свои прикрыть хотят. И рыбку съесть и на хрен сесть. Канал, у них все есть, а вот тех, кто на себя сам процесс возьмет – нету. Официально они не при делах и, если всплывет где-то, виноваты мы будем, Зверь.

– И что? Как твой отказ воспринял?

– Он, сука, видать, себя кардиналом Ришелье возомнил, в шахматы меня играть посадил. А в конце, гнида старая, сказал, что, несмотря на то что я выиграл, я только что очень многое потерял. В том числе, возможно, и жизнь.

Я хищно ухмыльнулся.

– Ну, знаешь, от шальной пули и генералыдохнут. Все мы смертные.

– Проблема в другом – у него кроме нас не на кого рассчитывать. Он попытается надавить. Осторожными надо быть. Это не просто бабки, Зверь. Это политика. И они по трупам пойдут, чтоб своего добиться.

– Думаешь, боевикам продают?

– Не думаю – уверен. Новые враги! Чтоб не скучно жилось!

Андрей задумчиво выпустил дым и отшвырнул окурок вниз с моста. А я развернулся спиной к парапету и затянулся последней затяжкой, обжигая пальцы:

– Новые враги – это хорошо замаскированные старые. Ахмед сдох, и на нас вышли напрямую.

Глава 4. Башира

Только не говори, что ты не виноват. Это оскорбляет мой разум.

© Крестный отец

Ей вдруг стало страшно. Очень-очень страшно. Именно тогда, когда проходила мимо кровати своей младшей сестренки, вдруг подумалось о том, что никогда больше не увидит ни ее, ни маму с папой, и грудь сжало тоской, будто наполнились водой легкие. Когда-то в детстве Зарема упала в колодец.

Она наклонилась вниз, чтоб рассмотреть, куда упала резинка с ее толстой черной косы, и, не удержав равновесие, полетела вниз. Как ее вытащили, она не помнила, а вот как вода ледяная в горло затекала и наполняла болью, разрывающей грудную клетку, помнила хорошо. И сейчас ей казалось, что вода затекает ей в самое сердце ледяным ужасом. Только поздно уже назад, нельзя никак, ее брат ждет, и нельзя его там оставить, она должна его домой привезти. Так та женщина сказала. Обещала ее к Анвару отвезти. Давно он из дома ушел. Уже полгода как прошло. Мать с отцом и со старшим братом везде искали его, и полиция искала, но Анвар уехал в город и не вернулся больше. Его мотоцикл нашли у дороги с пробитым колесом. Мать не хотела верить, что сына

в живых нет. Порог отделения обивала, отец звонил везде, даже портрет сына в интернете по всем сайтам раскидали. Зарема об Анваре каждый день у Аллаха просила, чтоб нашли его и домой к матери привезли. Совсем извелась она. В старшего Абдула уже не верила совсем. Не смог тот найти ее сына младшего, не смог вернуть кровиночку домой. Следов даже не отыскал, а ведь мог. Связей сколько у него с людьми нехорошими из города и из земли неверных. Никто не спрашивал, зачем к их дому машины поздно ночью приезжают. Молчали все. Ведь дом весь на нем держался. В достатке они жили, в отличие от соседей, Абдул Анвару обучение в городе оплатил... но кто знает, не поедь парень в город, может, и не пропал бы.

Зарема слышала, как мать своему сыну старшему кричала, что он виноват, он послал его неизвестно зачем в место чужое. Ведь мог и к себе взять.

– Куда к себе, мама? Ты знаешь – кто я и чем дышу? Не нужно это женщине знать. Я брату жизни лучшей хочу. Чтоб уважаемым человеком стал, чтоб не оглядывался, когда по улице идет. Переехать из этой деревни, мама.

– Зло там, сынок. Зло. Мы всегда здесь жили, и хлеб у нас был, и молоко. Зачем нам что-то другое?

Зарема в разговоры взрослых не лезла, пряталась, чтоб не видели, как подслушивает, а потом к матери шла и обнимала ее, по волосам гладила по седым.

– Где мой Анвар, где он, мой сынок? Не голодно ли ему?

Не холодно?

– Добрые люди, мама, везде есть. Накормят и Анвара нашего.

Только самой ей в это плохо верилось. Дурочкой Зарема никогда не была. Понимала, что если нет брата так долго, их кроткого зеленоглазого Анвара, то что-то нехорошее с ним случилось. А потом в их дом весть дурную принесли – парня мертвого нашли в ущелье, по всем приметам на Анвара похож. Мать тогда сознание потеряла, а отец лекарства глотал из коробочки прозрачной. На опознание Абдул ездил... не брат это оказался, а друг его Ильяс. Стало еще страшнее, теперь уже точно все понимали, что в беде их Анвар.

С Баширой Зарема Айшат познакомила. Случайно это случилось или нет, Зарема теперь и не знает. Только один раз, когда к подруге в гости пришла, увидела, как та в спешке ноутбук захлопнула и резко к девушке обернулась. Но та успела заметить, что Айшат парня какого-то фото рассматривала.

– Секреты у тебя от меня появились? – обиженно спросила и руки на груди сложила. А Айшат по сторонам осмотрелась.

– Тише ты! Нельзя, чтоб дома слышали.

И уже на улице рассказала девушке, что познакомила ее с парнем Башира. Очень хорошая женщина-вдова. Многим женихов нашла хороших и богатых, уехать помогла из дыры этой, и Айшат уехать хочет. Не хочет, чтоб за троюродного

брата замуж ее выдали.

– А давай и тебя познакомим? Вместе уедем, а, Зарема? Давай?

И как-то эта мысль, поначалу казавшаяся девушке кощунственной, начала становиться все привлекательней. Айшат привела подругу на автобусную остановку, где они встретились с молоденькой девушкой в хиджабе. Оказывается, именно так подружка Заремы встречается с Баширой – ее к ней приводят. Все это показалось Зареме странным. Если женщина знакомит и сводит девушек с хорошими парнями, то почему не в открытую? Почему вот так? Тогда у нее еще возникали вопросы, тогда она еще могла о чем-то думать.

Башира ей не понравилась. Несмотря на то, что умела она к себе расположить, сладостями угостила, о муже своем и сыновьях рассказывала – как погибли во имя Всевышнего и радостно смотрят на нее из самого рая. Своих дочерей она всех за воинов Аллаха отдаст. Каждая мусульманка должна быть готова пожертвовать собой ради великого дела – уничтожить больше неверных, порабошающих и унижающих мусульман. Странно все это звучало для Заремы. Совсем не этому ее мать учила и отец. Но Айшат преданно смотрела в глаза своей наставнице, восхищенно. Все ждала, как та скайп включит и даст ей с женихом поговорить.

Ушла тогда Зарема, для себя решила, что больше не пойдет туда. А потом Айшат сказала, что Башира может брата отыскать, что знает, где он может быть. И все. И с того мо-

мента Зарема сама начала с Баширой видаться. Но Анвара женщина ей так и не показывала, говорила, ищут его братья верные, помогают ей и найдут обязательно. Ведь все они большая семья. Но между тем много других вещей говорила о том, что не все правильно Коран изучают, не все между строк свои цели видят. Сказала в другую мечеть ходить не меньше пяти раз в день и голову прикрыть. Иначе не сможет Башира ей помочь, она лишь безупречным и избранным помогает. Рассказывала, как гуманитарную помощь сама через границу возит, а проклятые русские не пропускают еду для несчастных и голодных детей. А вот если бы Зарема свой паспорт ингушский ненадолго Башире дала, то вместо нее б поехала ее дочь старшая и привезла б все сама. Конечно, это незаконно, ну а что делать? Если другого выхода помочь несчастным просто нет. Да и Зарема всегда может сказать, что паспорт у нее украли.

А взамен те люди, которые за великое дело стоят, обязательно сведения об Анваре сообщат. Зарема согласилась. Отдала паспорт. Только о брате ей так ничего и не рассказали, а мать в больницу попала с сердечным приступом. Тогда девушка потребовала у Баширы свои документы обратно. Заявила, что не верит ей больше и чтоб та ей голову не морочила.

– Никто и не морочит, милая. Все это время только этим и занималась. Поисками. Думаешь, это так просто. Я женщина бедная, у меня нет денег взятки давать. Все добрые люди

узнавали. Нашли мы брата твоего!

От радости у Заремы сердце в горле забилося, так сильно, что, казалось, с ума сойдет от радости. Представила, как радостную новость матери принесет.

– Покажи мне его, добрая женщина, в ногах у тебя валяются буду, все сделаю.

Башира отвела ее в дальнюю комнату и включила старенький ноутбук. Позвонила куда-то по скайпу. Ей ответил человек с длинной бородой и страшными маленькими глазами под нависшими косматыми лохмами бровей.

– Ну что? Есть новости?

– Пока нет, но мне обещают в ближайшее время.

– Передай, что времени у меня никакого нет. Мне «вчера» надо. Ахмеда слили, пусть теперь ищут, кто мне новый путь проложит!

– Не кипятись. Все будет. Люди серьезные.

– Ты людям передай, чтоб не заставляли меня давить, а то я могу – и люди серьезные быстро места своего лишатся.

– Передам. Терпения набраться надо.

– Твоя все это вина – ты девку Графскую упустила! Ты нам все испортила, уже давно они у нас в кулаке бы были!

– Я упустила – я свои ошибки и исправляю. Там девок много. Есть на что давить.

– Ты побыстрей давай. Мне своим что говорить? Что сестра моя облажалась? Хочешь, чтоб я дочерьми твоими расплатился?

– Зафар там кое с кем переписывается... я знаю, куда давить. Я тебе Графа на ладони преподнесу. Поверь Башире, сестре своей. Если сказала, все будет – значит, будет.

– Давай. Джамаль ждать устал. Товар простаивает. А это большие деньги!

В этот момент Зарема случайно толкнула горшок с цветком, и мужчина резко перевел взгляд на нее, и девушка вытянулась по струнке, прикусив язык и сцепив пальцы за спиной.

– В чем дело? Зачем при ней?

– Она ничего не скажет никому, да и что она там поняла? Это Зарема Саад, Джабар, она брата своего ищет.

– И что? Сказала, что брат ее жив?

– Конечно сказала, но она увидеть его просит.

Башира бросила на Зарему предупреждающий взгляд и на дверь кивнула, чтоб вышла та пока. Но девушка осталась у дверей, прислушиваясь к тому, о чем будут говорить эта женщина с тем, кого Джабаром назвала. Кажется, ее старший брат тоже с Джабаром дела имел. Она слышала, как они по телефону говорили.

– Ты что делаешь, идиоткам старая? Ты зачем ее привела? А если она брату расскажет? Мне еще с ним дела вертеть! Что ты портишь все?!

– Не расскажет. Мне доверься. Я знаю, что делаю. Она паспорт свой требует, если не отдам, тогда точно брату расскажет. Надо дать ей что-то. Пусть увидит его и тогда мол-

чать будет. Ты с ним говорил?

– Зачем ты втянула ее в это?

– У нее паспорт все дороги открывает! Так говорил ты с Анваром? Джамаль позволил?

– Говорил. Не хочет он никого из них видеть. Все. Готов он уже. Не нужно ему ни с кем.

– Пусть захочет. Надо, скажи. Попрощаться и объяснить-ся.

Зарема даже думать не хотела, что они о брате ее говорят. Что это он видеть ее не хочет. Анвар, с которым с пеленок вместе, с которым год разница и неразлучны были всегда. Не мог он не хотеть ее видеть, никак не мог. Это же ее Анварчик, она в глаза ему посмотрит, расплечется, и он все для нее сделает.

– Зови ее через пару минут. Я перезвоню. И смотри – ты головой отвечаешь, чтоб она не проболталась!

Когда девушка брата увидела, обо всем забыла, только понять не могла, почему одежда на нем такая и автомат в руках, почему пояс ножами и гранатами увешан, а на лице черная маска. Ей казалось, она фильм какой-то смотрит американский из тех самых, что ей нельзя было смотреть, а она обошла фильтр в компьютере.

– Анвар, милый мой брат, мама вся извелась, плачет по тебе каждый день! Где ты? Почему не звонишь нам? Хоть бы пару слов маме сказал!

Парень только брови ровные красивые насупил, глядя на

сестру исподлюбья:

– У меня теперь иное предназначение, сестра. Не мог я. Не положено мне. Матери скажи, пусть забудет обо мне и молится о своем сыне. Скажи, что мы с ней в раю обязательно встретимся. Я ей почести принесу и почет. Гордится она мною будет.

А Зареме показалось, что похудел он и осунулся, а еще, что в глазах у него огонь пропал. Не похож он на ее веселого Анвара больше.

– Что ты говоришь такое, Анвар? Возвращайся домой, мы примем тебя любим. Уезжааай оттуда! Уезжай!

В этот момент связь прервалась, и Башира закрыла ноутбук.

– Жив-здоров твой брат. Убедилась?

Но Зарема из-за слез ничего теперь не видела. Ничего понять не могла. Как это Анвар сам выбрал расстаться ними?

– Куда вы его втянули? Что это там?

– Не втянули – он сам решил. Твой брат настоящий воин и мужчина. Он избранный и особенный, гордись им.

– Верните мой паспорт. – решительно сказала девушка, размазывая слезы. – Верните, вы обещали.

– Вернем. Вот еще гуманитарную помощь привезем и вернем. А если брату расскажешь – больше никогда своего брата не увидишь, поняла?

Зарема поняла, что Башира ее обманывает и документы она ей не вернет. Все она прекрасно поняла, как и то, что

ввязался брат в большие неприятности. Что не вернет его теперь никто... но ведь раньше он всегда делал, как она хочет. Всегда. А если увидит ее, может, и передумает, и вместе они сбегут. Наверное, держат они его там насильно. Ведь иначе уже давно вернулся бы брат домой.

– А меня с женихом познакомите? – застенчиво спросила вдруг Зарема. – Хочу с Айшат уехать и с братом встретиться. Может, у меня тоже иное предназначение.

В тот день Башира ей ответа не дала, встретилась с девушкой через неделю только и сообщила, что все не так просто, и ей для этого нужно будет доказать, что она не обманывает и намерения у нее чистые, искренние. И поручила самой Зареме гуманитарную помощь привезти из соседней деревни, без документов. Пусть придумает – как, и тогда Башира поговорит про нее с Джабаром.

Зарема привезла... правда, посмотрела, что ей под дно сумки положили, и побледнела. В разноцветные тряпки были завернуты несколько пистолетов и спрятаны под консервами и фруктами. На пропускном пункте девушку не обыскивали только потому, что знали, чья она сестра.

К отъезду они с Айшат готовились несколько недель. Все это время Башира им рассказывала о предназначении жен воинов, и какая прекрасная жизнь их ждет рядом со своими великими мужьями.

А как настал день отъезда, страшно стало вдруг, и появилось чувство, что не встретятся они больше никогда. Зарема

даже записки не оставила. Только сестренку в воздухе поцеловала в лобик и к матери заглянула. К отцу не решилась. Но попросила Аллаха, чтоб он ее сильно не проклинал и простил ей ее решение. Ведь она им Анвара вернет домой.

С Айшат они встретились все на той же остановке у рынка в четыре утра. Когда на улицах еще темно было и честные люди спали давно. В этот раз за ними никто не пришел – машина приехала с затемненными стеклами. Всю дорогу девушки молча ехали, даже взглянуть друг на друга боялись и за руки держались. Через какое-то время им завязали глаза и пересадили в минибус. В нем уже девушек было около десяти. И среди них не все оказались мусульманками – были и две русские. Они всю дорогу плакали и говорили, что совсем не об этом они договаривались с Баширой, что им работу обещали в Турции. Но их никто не слушал, и даже несколько раз ударили, чтоб замолчали. Зарема русский язык понимала, говорила плохо, но понимала. Раньше к бабушке часто ездила в гости, а та по-русски общалась чаще, чем на аварском. Она слышала, как одна из девушек говорила другой, что с ней в интернете парень познакомился, обещал на работу устроить. А вторая с женихом встретиться ехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.